

ЗРЕНИЕ ПАСХАЛЬНОЕ

Богословская точность Чехова

А. П. Фурсов

В рассказе «Казак» Чехов вновь и вновь выступает как мастер детали. Но на этот раз он не просто точен, но точен **богословски**.

Его расстановка духовных акцентов безукоризненна, а на **суверенной территории** рассказа верна абсолютно: обозначенные автором **крепёжные точки** произведения одновременно и законы **государства-рассказа**, его догматы, его духовно освященные устои. Внимательное их рассмотрение позволяет понять, что именно догматы, их очевидная статика есть неочевидный, но единственно возможный путь к динамике. Их природное свойство *закреплять и держать* позволяет рассматривать тот или иной исторический отрезок (в истории произведения-государства) долго сколь это возможно.

Тогда само рассмотрение, уже не зависящее от времени, строящееся уже на категориях вечности, преобразуется само в себе, перестает быть понятием мира физического, меняет свою сущность и свои одежды. Приставка «рас», более соотносящаяся с физическими, земными величинами, с понятиями «горизонтали»: *растекаться, расстояние, рассеяние* и т. п.

Фурсов Александр Павлович — главный редактор журналов «Русская словесность» и «Духовно-нравственное воспитание», поэт, член Союза писателей России, г. Москва

преображается в приставку «про», которая строит слова «вертикального» ряда: *пронзить, пространство, прозреть*; слово «смотреть», ничего не сообщающее о динамике самого процесса, преобразуется в динамичное «зреть». И «рассмотрение» становится «прозрением» т.е. стадийным движением внутрь-вверх, в котором каждая стадия есть новая ступень на лестнице постижения сути крепезных точек-догматов.

Чехов, духовно точно расставляя акценты, создает для читателя возможность пережить акт преобразования зрения — от *рассмотрения* к *прозрению*, приближает пространство рассказа к *церковному пространству*, которое есть пространство прозрения. Знаток церковного чтения всегда с удовлетворением заметит после литургии, что дьякон глубоко опытен, ибо классически «держит лестницу», т.е. читает священный текст с постепенным повышением тона, чуть-чуть приподымая последующее слово над предыдущим, и так — все выше, выше: «ГорЕ, горЕ имеем сердца!» Таким образом, каждое слово в церковном чтении как духовном действии есть очередная, более высокая ступень на лестнице, восходящей в небо. Такое чтение суть прозрение в текст.

Духовно точно расставляя акценты, Чехов тем самым выступает еще зодчим — строителем храмов, украшает пространство произведения-государства невидимыми церквями Божьими. Чем больше в произведении-государстве — крепезных точек-церквей, тем больше лестниц, соединяющих его с небесными Божьими горницами и тем больше духовного вос-питания (вертикального, духовного питания — по аналогии

с восхождением, вознесением, возрождением) поступает в него посредством этих лестниц.

Уже в начале рассказа Чехов разворачивает перед читателем карту своего произведения-государства и обозначает главные, краеугольные, географически-духовные координаты его (в которых собственно и происходит все, что мы концентрированно зовем *жизнь*): *церковь* — *хутор «Низы»*, *освященный кулич* — *больной казак*: юг — север, восток — запад; верх (*церковь*) — низ (*хутор «Низы»*), необыкновенная распирающая, выпирающая (*торчащая*) радость-здоровье (*Торчаков (фамилия героя)*) — скрытая от всех (кроме одного лишь Торчакова) печаль, болезнь (*больной казак*).

На карте, как известно, много как символических знаков, так и обыкновенных надписей. Чехов при создании карты своего произведения-государства не отступает от этих канонических законов, открыто обозначая на ней стороны света: солнце еще *не всходило*, но *восток* уже румянился. Этим открытым действием он подтверждает необходимость создания карты. А в следующем предложении он говорит о необходимости изучения ее — рассмотрения ее и прозрения в нее.

Герой произведения видит *степь* и *курган* на ней, обитателей степи: *перепела* и *коршуна*. Ему привычно это смотрение, он уже тысячу раз смотрел на это пространство. Для него все, что он видит, — привычные символы его бытия, знакомые знаки на его карте. Все, что прежде его радовало, сегодня радует еще больше, все для него *светлое, радостное и счастливое*.

Во-первых, потому что сегодня Пасха, во-вторых, потому что впервые встречает Пасху **не один**, а с молодой женой.

Но он еще не знает, что получил от Господа в главный Его праздник необыкновенный подарок — возможность видеть истинный смысл вещей — новое, преображенное, троичное («Уж не один, *три коршуна*, в отдалении друг от друга, носились над степью» [1, с. 160]) зрение — **прозрение**.

А земное его зрение стало меркнуть, весь веер земных красок свернулся к одной, черной, а праздничная радость померкла и превратилась в скуку: «Солнце взошло, но играло оно или нет, Торчаков **не видел**. Всю дорогу до самого дома он молчал, о чем-то думал и не спускал глаз **с черного хвоста** лошади. Неизвестно отчего, им овладела скука, и **от праздничной радости в груди не осталось ничего**, как будто ее и не было» [1]).

Но вот — вдруг, миг его зрение перерастает в прозрение: привычный пейзаж рушится, его символы теряют свою мнимую красоту и радостность, когда Торчаков замечает больного казака: «У самой дороги на кочке *сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги*» [1, с. 159].

Это новое преображенное *пасхальное* зрение позволяет увидеть главное в мнимо радостном пространстве привычного бытия — **человека — больного, страдающего**. Торжество воскресения Христа это не праздник обретения сверхмощной человеческой радости, наоборот, это благословенный день потери всех человеческих (физических, плотских) радостей, празднование обретения возможности видеть боль этого мира везде и всюду (ключом, паролем к видению этой боли,

к обнаружению ее становятся слова «Христос Воскресе», которыми герой рассказа приветствует сидящего казака); понять, что весь мир, как бы он не прятался за свои искусственные или мнимые счастья, есть Боль.

– Что ж у тебя болит?

– **Весь** болю [1, с. 159].

Слова «Христос Воскресе» воскрешают, восстанавливают падшего, **низменного** (с хутора «**Низы**» по чеховской духовной географии) человека, возносят его — в своем покаянном страдании — до сверкающих золотом куполов храма.

Как же это происходит на суверенном пространстве произведения русского писателя?

Торчаков, узнав от казака о том, что тот болен, буквально поражен, изумлен этим известием: в его сознании не укладывается: как же так, у людей праздник, а казак хворает?! Он готов помочь казаку в его беде, выручить его, вылечить его.

Разве Христос не исцелял болеющих и страдающих? Разве священная Христова пасха не чудодейственное средство против болезни? Конечно, он выполнит просьбу казака и угостит его священной пасхой.

Но все не так просто. Выполнить просьбу казака Торчаков не в состоянии. Не потому что не велит жена: «Не дам я тебе паску кромсать! С какими глазами я ее домой порезанную повезу? И видано ль дело — в степи разговляться. Не дам! Надо **порядок знать**. Это не булка, а свяченая паска и грех ее без толку кромсать» [1, с. 160].

Дело в том, что Торчаков еще **не готов** совершить это **духовное, Христово действие**. Не в силах. Духовное действие подготавливается медленно, зреет. У тебя должно быть достаточно внутренних сил, чтобы совершить его. Но не только. Ты еще должен быть *достойн* совершить его. Горчаков в момент встречи с больным казаком *и слаб, и недостойн*.

Да, он счастлив по-человечески и силен в своем человеческом счастье, но в этом, духовном случае людские силы *не имеют цены*. Здесь действует и ценится иное. Как обрести его?

Господь, показуя больного казака, говорит Максиму об этом. Торчаков застаёт казака в том состоянии, которое в православии именуют покаянным: «Христос воскрес!» — крикнул ему Максим. — «Воистину воскрес», — ответил казак, *не поднимая головы*» [1, с. 159].

Состояние казака можно проиллюстрировать словами из русских покаянных молитвословий, готовых, кажется, сорваться с воспаленных губ казака. Слово еще миг и воззовет он к Господу: «Откуда начну плакати окаяннаго моего жития? Кое же положу начало нынешнему рыданию». Больной казак, узнав, что Торчаков только что из храма («*Вы это из церкви?*»), внутренне возводит Максима чуть ли не в ранг священника и через него готов (по тому состоянию, в котором его показывает Чехов, схожему с положением младенца во чреве матери: у самой дороги на кочке *сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги*) обратиться к Богу: «На небо очи мои возвожу и духом весь предстою Ти, Отче небесный, но естество брения влечет долу, и грехи мнози влекут душу в преисподнюю, Ты же, Творче и Создателю мой, яко Всемогущий и Милосердый,

обнови мя, да воспаряю выну горЕ, якоже орел, победно взывая
Ти песнь: Аллилуиа» [2].

Господь дает Максиму возможность видеть, как, из какой муки растет, готовится будущее воскресение, при помощи казака воспитует в Максиме будущего **внутреннего человека**, которому еще предстоит пройти через покаяние, через муки предрождения, которому еще предстоит родиться.

Не здоровый, сильный, имеющий молодую жену, возвращающийся из праздничной церкви Торчаков, оказывается, **счастлив во Господе**, а немощный, находящийся вдали от дома, от родных, не имеющий силы доехать до церкви казак. Ибо он уже готов обратиться к Господу, он ближе к Творцу. А Торчаков неимоверно от Него далек. И долгий скорбный путь предстоит ему пройти, пересмотреть многое в себе, многого лишиться («Лошади, коровы, овцы и улы мало-помалу друг за дружкой **стали исчезать** со двора, **долги росли**, жена становилась постылой...» [1, с. 163]), много слез пролить («... ходил по степи, и ждал, *не встретится ли ему казак...*» [1, с. 163]) дабы обрести радость воззвать к Господу: «Колико одежд раздеру, окаянный, и покоя достигну? Колико пепла возложу на главу срамную мою и не имам помышлений лютых? Коим вретищем покрюся и не узрю беззаконий моих? Всуе мятуса, покаяния иский. Но Ты, Христе, рекший: без Мене не можете творити ничесоже, пройди во уды моя, словом Твоим разрецы каменную утробу мою, порази камень сердца моего и источники слез изведи!» [2].

Это не его, Торчакова, праздник сегодня, а праздник казака, который сейчас, в сию минуту, в сей миг нуждается

в священном хлебе Господнем — в освященном куличе (нуждаться, а не иметь — праздник). Торчакову же в нем особой личной нужды нет. *Дома, со всеми, как все* — и разговееется. Для него и его жены освященный Христов кулич не реальность Божия, которая должна **реально** присутствовать и действовать в земной жизни, например, помогать больному казаку, но некий «завернутый в белую салфетку» музейный экспонат, к тому же хранящийся в запасниках, извлечь который оттуда никоим образом невозможно: «Жена взяла из рук мужа кулич, завернутый в белую салфетку, и сказала: «Не дам! Надо **порядок знать**. Это не булка, а свяченая паска и грех ее без толку кромсать». — «Ну, казак, не прогневайся! — сказал Торчаков и засмеялся. — Не велит жена! Прощай, путь-дорога!» [1, с. 160].

Но где истинный путь-дорога, где настоящий дом? Праздник Христова Воскресенья это торжество обретения не дома, а только пути-дороги к нему — дому истинному. Это праздник не домашнего успокоения и уюта, но торжество пути — тяжелого, но найденного, очевидного и единственного. «А меня *праздник в дороге застал*» — говорит казак. Истинный, духовный праздник — соприроден дороге и красен — дорогой. Для Торчаковых важно **не реальное присутствие и действие Божие** (дорога как символ живого, быстроменяющегося бытия), а **порядок знать** (дом — в данном контексте — как символ удобства, успокоенности и духовной неподвижности). Встретил Торчаков казака «на *полдороге* к дому, у *Кривой Балочки*» [1, с. 159].

То есть Господь предоставил Максиму возможность **выпрямить** свой путь — направить его к Богу, пройти вторые полдороги — прожить вторую часть жизни — с Богом и по Божьи.

В лице казака Торчаков, как ему думается, теряет самого Господа, который, возможно, хотел испытать их, Максима и его жену, «и ангела или святого какого в виде казака...навстречу послал» [1, с. 159].

Он не спит ночь, посылает слугу к Кривой Балочке, чтобы тот нашел казака и отдал ему кусок кулича и пяток яиц. Потом едет сам. Но нет нигде казака. Никто его не видел. Исчез казак, как будто его и не было.

Мысли о казаке не дают Максиму покоя: «И как нарочно, казак все не выходил из головы, и Максиму *мерещились то его больные глаза, то голос, то походка...*» [1, с. 159].

Так человечество с вознесением господа тоскует о Нем, ищет Его, воспоминает Его в церковных службах. Как ученики Христа воспоминали по уходу Его в горницы Небесные каждое слово, каждый жест Господень, дабы воспроизвести в Евангелиях, так и наш герой воспоминает все, связанное с казаком (для него посланником Божьим, а может и самим Господом), служит свои внутренние службы, пишет евангелие — творит себя как храм Божий, как внутреннюю церковь. (О внутренней церкви писал немецкий философ Якоб Беме в своей книге «Christosophia, или Путь ко Христу» (1623–1624): «Святой имеет Церковь свою в себе самом, поскольку он **внутренне слушает и учится**. Стоит ли он, ходит ли, лежит ли, сидит ли: он пребывает в своей церкви. **Дух Святой проповедует ему через**

всех тварей. Все, на что он глядит, — видит в том проповедь Божью. Здесь какой-нибудь насмешник, пожалуй, скажет, что я-де презираю каменные церкви, в которых собирается народ, на это я говорю — нет! Истинный христианин приносит с собою свою святую Церковь в общину верующих. **Сердце его — есть истинная Церковь и в ней надлежит ему творить божественную службу»** [3].

Как видите, на *звон колоколов* церквей — крепёжных точек чеховского произведения-государства, откликаются и *библейские евангелисты*, и *русские монахи* — авторы покаянных молитвословий, и потомок славянских лужицких племен немецкий философ *Якоб Беме*.

Так пронзительно *чеховское пасхальное зрение*, так высоки и прочны *чеховские колокольни*, так глубок и духовен издаваемый с них *звон*.

Литература

1. Чехов А. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 5. — М.: ГИХЛ, 1955.
2. Откуда начну плакати окаяннаго моего жития. Редкие православные молитвословия. — М.: Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище в Москве, 2010. — 192 с.
3. Беме Якоб. Christosophia, или Путь ко Христу. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://proroza.narod.ru/JBeme.htm>

Аннотация. Точное, образное писательское слово — только семя в почве поля-произведения. Примется ли оно, прорастет ли, даст ли плод — зависит от того, насколько глубока душа того, кто воспринимает произведение. Духовное прочтение преображает произведение, дает ему новую, им прежде не знаемую жизнь, превращает все слова-семена в слова-плоды, возможность плодоношения в плодоносящий сад. Если писатель чист и глубок душой, то в его произведениях начинают проступать законы бытия, даже независимо от него самого.

Ключевые слова: государство-рассказ, рассмотрение, прозрение, церковное пространство, духовное действие.